

Десятки государств континента сохраняли хрупкое равновесие благодаря балансу сил между двумя империями — Хенекеном и Линдвайром. И хотя Линдберг уже начал приходить в упадок и ситуация была напряжённой, именно Хенекен удерживал центр тяжести.

Если в таком положении Хенекен внезапно ударит по Линдбергу и приберёт к рукам горы Мочу, сопротивление со стороны соседних стран будет неизбежным, а это повлечёт за собой новые проблемы.

— Вот уж не ожидал, что вы станете беспокоиться о судьбе империи. Тронут, — произнёс кронпринц, скрестив руки и погружившись в раздумья.

О существовании государственной печати я узнал по чистой случайности — как говорится, слепая удача. Перерывая архивы Линдберга в поисках зацепок к развитию сюжета романа, я заметил, что на официальных документах стоит печать с корейскими буквами. Та же самая печать была и на документах, приходивших из Хенекена, и благодаря этому стало ясно, что это и есть государственная печать.

Без неё ни один документ не признавался официальным.

И что особенно примечательно — на самой печати было выгравировано по-корейски:

«НАСТОЯЩАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ВЕРСИЯ. Тот, кто не унаследовал законную кровь и прикоснётся — отправится в ад».

Интересно, это реальная угроза или просто запугивание? Шрифт был красивый, словно в дизайне упаковки, и если смотреть расфокусированным взглядом, выглядело даже солидно. Но формула была уж слишком прямолинейной.

Если её действие следует понимать буквально, то становится ясно, почему Китчнер до сих пор держался у власти за спиной королевской семьи и почему так строго ограничивал выходы членов королевского дома за пределы дворца. Проще говоря — если человек, не унаследовавший кровь императорского дома Линдвайра, прикоснётся к печати, с ним что-то произойдёт.

Я видел печать всего дважды. Один раз — на прикроватном столике возле короля, когда тот валялся в постели с воспалением, а второй — уже в ящике стола в кабинете, где Китчнер сидел чаще, чем сам король.

— В императорском доме Хенекена ведь тоже есть что-то вроде «настоящей окончательной» печати? — спросил я, придумав название на ходу, потому что иначе её было сложно обозначить.

Кронпринц посмотрел на меня так, будто услышал лишнее.

— «Настоящая окончательная»?

Ну да, и правда название так себе. Самая последняя из последних, которой нельзя пользоваться просто так.

— А, вы о государственной печати, — понял он.

— Да, похожая у нас есть. А почему вы спрашиваете?

Помедлив, я всё же задал вопрос:

— А что будет, если к ней прикоснётся не член императорской семьи?

— Говорят, проклятие падёт на три поколения, — спокойно ответил кронпринц.

Он добавил, что в Хенекене никто не проверял, правда ли это, потому что посторонние к печати никогда не прикасались.

— Как-нибудь стоит проверить, — задумчиво сказал он.

Я мысленно помолился за того беднягу, на ком он соберётся это проверять.

— Впрочем, предмет слишком древний, и на случай переворота мы уже готовимся изготовить новую печать, — продолжил он. — Конечно, Хенекен не так просто свергнуть, но нельзя быть уверенным, что трон всегда будет принадлежать только нашей крови.

— Даже если меняется глава государства, жизнь людей должна продолжаться.

Вот он — настоящий главный герой. Уверенность и приоритет народа сквозили даже в том, как он без особых эмоций говорил о возможном падении династии. На этом фоне мысль о Линдберге, где королевскую семью считали единственным столпом государства, вновь навевала уныние.

Неужели обязательно сравнивать всё до мелочей? Разве Линдберг не может хоть в чём-то быть лучше? Я украдкой взглянул на Лею — она кусала губу, явно испытывая то же самое.

Кронпринц скрестил ноги и один раз коротко хлопнул в ладони, меняя тему:

— Беспорядки распространяются слишком быстро. Если мы будем тянуть время, крови может пролиться слишком много.

— Всё настолько серьёзно? — спросил я.

— До полноценной войны ещё далеко. Пока это лишь локальные столкновения.

Он, опершись рукой о подбородок, отметил на карте места волнений.

— Всего двенадцать точек. В трёх владетельные лорды попытались подавить мятеж, остальные просто заперли ворота.

Все три места, где применили силу, находились рядом со столицей.

— Но канцлер стягивает личную гвардию внутрь столицы. Если беспорядки дойдут до центра, последует масштабное подавление. А у простолюдинов ни оружия, ни навыков — они будут перебиты.

— Почему же провинциальная знать не действует активнее? — удивился я.

— Эти люди считают, что стоит им лишь задеть простолюдина рукавом, как они умрут от заразы, — холодно сказала Лея. — Пока их самих не заденет, они никогда не выйдут вперёд.

Кронпринц криво усмехнулся:

— В Хенекене тоже когда-то верили в подобные суеверия.

Они явно пытались меня утешить, заметив моё мрачное выражение, но я покачал головой:

— Это не просто суеверия.

— Что ты имеешь в виду?

— У простолюдинов действительно нет ни чистой воды, ни нормальной пищи, и они нередко являются носителями болезней.

Оба удивлённо переглянулись.

— Но это не значит, что нужно прятаться от них. Нужно решать проблему. В этом и состоит коренная ошибка линдбергской знати.

И добавил:

— Более того, с учётом слабого иммунитета, это скорее простолюдинам стоит избегать аристократов.

Аристократы, которые к этому моменту только и делают, что прячутся, выглядели по-настоящему жалко.

— Верно сказано. В Хенекене мы позаботимся о том, чтобы знать не распространяла лишние болезни среди простого народа, — бодро заявил кронпринц.

Похоже, моё решение втянуть в это главного героя не обернётся сожалениями. Осталась лишь одна проблема.

— В любом случае, принц Карл Линдберг, ближайшие десять дней вам придётся начать с обучения верховой езде.

Вот оно. Я не умел ездить верхом. А дело предстояло серьёзное, и цепляться позорно за спину рыцаря совсем не хотелось. Ехать в карете — тем более.

— Разумеется, обучать вас буду я сам, — с улыбкой сказал кронпринц.

Радоваться ли тому, что он свободен, или смущаться — я так и не понял. Лея тут же заявила, что возьмётся сама, и между ними снова вспыхнуло соперничество. Чем дальше, тем сильнее казалось, что Лея возвращает себе утраченные годы. Нормализация Линдберга была всё ближе.

— Здесь не нужно тянуть поводья, наоборот, ослабьте хватку.

— Да-да.

Говорят, что учиться вождению у родственников и друзей нельзя ни в коем случае. По этой же причине Лею отстранили от роли инструктора, и она лишь пригрозила: «Никакой ерунды, просто нормально учи его ездить».

Благодаря ускоренному курсу от кронпринца уже через два дня я мог спокойно ехать рысью.

Но стоило скорости увеличиться, как я от страха дёргал поводья, зля лошадь.

Она встала на дыбы, но кронпринц мгновенно подоспел и не дал мне пострадать. Он перехватил поводья и успокоил коня. Закатанные рукава натянулись на его предплечья, и на мышцах вздулись вены.

Я сглотнул и поспешно отвёл взгляд, поглаживая лошадь.

— Прости...

Кронпринц довольно улыбнулся. Но мне снова пришлось отвернуться. Его плотные мышцы под тонкой рубашкой, выделяющиеся ягодицы и упругие бёдра в бриджах сбивали с толку.

С тех пор как я начал учиться верховой езде, эти симптомы стали особенно заметны. Раньше я воспринимал его просто как «красивого парня», но теперь в голове легко возникали конкретные фантазии:

«А если бы он сжал моё запястье...»

«Если бы прижал меня этими бёдрами...»

То, как он вытирал пот и зачесывал волосы назад — преступление. Как улыбался и переплетал пальцы — тоже преступление.

Чон Чжэ Ён часто, глядя на красивых актёров по телевизору, вздыхала: «Хён, возьми меня». Тогда я её не понимал.

Но сейчас пришлось признать — моё состояние было из разряда «хён, возьми меня».

И дело было вовсе не только в красивом лице.

Как и сказала Лея, резкий, подчёркнуто мужской запах феромонов, а также недостижимый статус кронпринца возбуждали во мне не только страх, но и восхищение — именно как у мужчины.

— Смотрите, вот так нужно расслаблять руку.

Когда кронпринц мягко обхватил мою кисть, я непроизвольно затаил дыхание. Движение было осторожным, но сила хвата ощущалась отчётливо, из-за чего я никак не мог перестать это осознавать. Он ведь часто держит в руках меч — ладонь у него жёсткая. Ни капли мягкости, всё тело словно хорошо обожжённая керамика. И это почему-то вызывало зависть.

<http://bllate.org/book/13881/1270527>